

ИНТЕРНАТСКИЕ

СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТЬ В БОЮ
НЕУМЕСТНА

Юрий
Темирбулат-Самойлов

Юрий Темирбулат-Самойлов

**Интернатские. Сентиментальность
в бою неуместна**

«Автор»

2023

Темирбулат-Самойлов Ю.

Интернатские. Сентиментальность в бою неуместна /
Ю. Темирбулат-Самойлов — «Автор», 2023

В трилогии «Интернатские» автор не просто описывает малоисследованный современниками пласт общественной жизни – неоднозначную действительность в советских школах-интернатах 1960-х и 1970-х годов, но и на примере судеб героев анализирует сложнейшие нюансы порывов человеческой (и не только) души в критических, «цейтнотных» ситуациях.

© Темирбулат-Самойлов Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

22

Юрий Темирбулат-Самойлов

Интернатские. Сентиментальность в бою неуместна

Пролог. СТРАННОЕ РЕШЕНИЕ

Хлётко и неожиданно, как выстрел в спину, ударила команда:

– Отставить!

И звено пятнистых «крокодилов»¹, которые спустя мгновение должны были ракетным ударом превратить в мелкое крошево глинобитные дома, за дувалами² которых затаились остатки потрёпанной душманской банды, без единого залпа резко разошлось вправо-влево, потянуло вверх, уходя от возможного обстрела с земли.

Увы, разошлись вертолётчики хотя и грамотно, но не синхронно. Всего на секунду растерялся пилот идущей справа машины, изумлённый нелепейшей в данной ситуации командой ведущего – полковника Сухорукова, и даже такая краткая заминка обошлась дорого: из-за ближайшего дувала ударил ДШК³ молниеносно среагировавших на неё «духов». Замешкавшаяся «двадцатьчвёртка» от прямого попадания в одно из немногих уязвимых её мест завалилась набок и, с трудом кое-как выровнявшись, стала стремительно терять высоту. Всё ещё вращающиеся лопасти несущего винта сыграли в какой-то степени роль парашюта, несколько притормозив падение. Но на склоне горы их мощные удары о каменистый грунт перевернули бронированную «летающую крепость» как детскую игрушку. Веером разлетелись обломки лопастей и камни, вертолёт плотно окутался то ли дымом, то ли пылью и, крутнувшись вокруг своей оси, замер.

– ... твою мать! Что же это? М-м... только бы ребята уцелели! Только бы уцелели... хрен с ней, с машиной, железякой... пойду под трибунал, хрен с ним, с трибуналом! Но только бы ребята уцелели...

Полковник Сухоруков повторял эти слова как заклинание, как молитву, пока его вертолёт кружил над местом падения товарищей, готовый разнести в клочья, испепелить любого чужака, который посмеет приблизиться к ним. Наконец пилоты увидели, как из разбитой и уже явственно дымящейся машины выбрались двое, прохромали, поддерживая один другого, вниз по склону, под защиту больших валунов.

Минут через тридцать в воздух, под прикрытием всё ещё барражирующего «крокодила», поднялся «МИ-8», вызванный Сухоруковым и подобранный на борт экипаж подбитой «двадцатьчвёртки». Оба вертолёта сделали прощальный круг над догорающим собратом и взяли курс на базу.

С борта «восьмёрки» доложили: раны спасённых пилотов, к счастью, неопасны – один отделался переломом руки и нескольких рёбер, второй и вовсе царапинами да ушибами.

Полковник облегчённо вздохнул и коротко бросил в ответ:

– Принял.

Второй пилот покосился на командира. Призадумался. Сухоруков не просто первый пилот в их экипаже. Он – командир полка, один из самых опытных и авторитетных советских военных лётчиков в Афганистане. Что заставило его, образцового офицера, уклониться

---

¹ Боевой вертолёт советского производства «МИ-24»;

² Высокие глинобитные заборы в азиатских селениях;

³ 12,7 мм пулемёт Дегтярёва-Шпагина (СССР) образца 1938 года. Основное крупнокалиберное полевое и зенитное оружие моджахедов, использовавших также и ДШК китайского (т. н. «тип 54»), пакистанского и иранского производства.

от выполнения боевой задачи, прекратить атаку, подвергнув тем самым смертельному риску своих боевых друзей, подчинённых, жизнь которых берёг всегда пуще глаза?..

Полковник заметил недоумённый взгляд. Он понимал, какие мысли гложут сейчас товарища и тех, кто летит в «восьмёрке».

Но что он мог сказать?

Даже если б кто-то из них и обратил внимание на лохматую пастушескую собаку, мечущуюся на привязи у дерева во дворе хибары, и две детские фигурки, мчащиеся, спотыкаясь, к ней на помощь под нарастающий грохот страшных железных «летучих драконов»... но и тот вряд ли понял бы, что стрелять в сторону этих фигурок для Сухорукова было равносильно стрельбе в самого себя.

Однако, чувства чувствами, а война есть война. Здесь не до сантиментов.

Нелогичное в глазах всех участников этого боевого вылета решение

Сухорукова стоило полку вертолёт и боеспособности двоих офицеров. А сколько ещё бед могут причинить уцелевшие душманы?..

И никому ничего тут не объяснишь. Да и можно ли «объяснить» целую жизнь?

Глава 1. УРА, ПРИЕХАЛИ!

(как иногда северяне попадают на юг)

Ранним утром 17 октября 1964 года Илюха и Колюха ступили, наконец, на долгожданную узбекскую землю. Позади трое суток увлекательнейшего путешествия в плацкартном вагоне пассажирского поезда «Красноярск – Ташкент».

После дремучей сибирской тайги, где братья-близнецы безвылазно прожили первые девять лет своей жизни, всё увиденное в пути казалось им настолько ярким и романтическим, что оба почти не спали эти трое суток, уделяя отдыху лишь вторую половину ночи, когда их детские организмы уже не справлялись с усталостью от переизбытка впечатлений.

Изобилие овощей и фруктов, а также иных, ранее неизвестных Илюхе и Колюхе лакомств, наперебой предлагаемых во время остановок поезда весёлыми доброжелательными торговцами, в сочетании с необычайно тёплой солнечной погодой создавало ощущение сплошного праздника. Навейное окружающей действительностью праздничное настроение поддерживал у мальчишек, насколько мог, и их отец Николай Захарович – овдовевший с год назад сухощавый жилистый мужчина неопределённого возраста, почти безотрывно прикладывавшийся к стакану с мутно-бурого оттенка «красным плодово-ягодным» вином и все перерывы между этим питием куривший в тамбуре вагона «термоядерные», издающие смрадный дым сигареты «Спорт». По мере воздействия гремучей смеси суррогатного алкоголя с крепким табаком на и без того постоянно взбудораженные с некоторых пор душевные струны Захарыча, как простецки называли его все вокруг, он с каждой остановкой поезда становился щедрее, покупая больше и больше фруктов и одна вкуснее другой сладких диковинок, а к вечеру уже не сдерживал слёз жалости к рано потерявшим мать сыновьям и к самому себе.

– Эх, ребя, сиротинушки мои-и! – сгребал близнецов в охапку подвыпивший Захарыч. – Знала бы ваша мамка...

Запнувшись на этой фразе, он поворачивался к соседям по вагону и заплетающимся языком горделиво похвалялся:

– Н-на одни пятёрки ведь учатся, д-даром что без матери! А чё, могу табеля показать... и-и-эх!

И начинал сумбурно искать, в каком же чемодане спрятаны школьные документы сынишек. Соседи принимались укладывать его в постель и, медленно засыпая, он долго ещё бормотал себе под нос одну и ту же песню:

– Ух, ты-ты, ах ты-ы,

Наши космонавты-ы!

Илюха с Колюхой, как и множество их сверстников той поры мечтавшие стать космонавтами, в такие моменты страстно хотели только одного – чтобы батя как можно скорее отключился и перестал вторгаться своими пьяными завываниями в их светлую мечту о самой мужественной в мире профессии.

Удостоверившись, что Николай Захарович, наконец, уснул, братья выходили в тамбур и дожидались ближайшей остановки поезда. Во время стоянки они вместе с кем-то из взрослых попутчиков бродили в густеющих сумерках по перрону, праздного любопытства ради приценивались ко всем подряд товарам, щедро разложенным на ящиках и коробках вдоль состава, затем возвращались обратно в вагон, надолго, позёвывая, прислонялись к какому-нибудь окну и только поздно-поздно, уже вконец обессиленные, залезали на свои верхние полки спать.

Когда всякое движение в вагоне замирало, и стук колёс становился более отчётливым, в ритм этого стука начинала вкрадчиво вплетаться своеобразная мелодия – то тут, то там всё чаще раздавались посапывания, похрапывания, покашливания. Сначала чуть слышно, дальше – смелее и, в

конце концов, эта ночная симфония-какофония достигала таких децибел, что даже пьяненький Захарыч, нервно пробудившись, отчасти трезвел, вставал, чертыхаясь, с постели и, тихо матерясь, шёл в полутёмный тамбур курить.

Повторно он, как правило, не засыпал очень долго – тяжёлыми были его думы. Только теперь, оставшись один на один с детьми, домашним хозяйством и жизнью в целом, бесшабашный и безалаберный по натуре Николай начал, наконец, понимать, каким незаслуженным счастьем обладал совсем недавно, и чего лишился безвозвратно и невосполнимо. Периодически в последние годы поколачивая, по пьяному делу, на глазах маленьких детей свою слышную когда-то красавицей жену, он не задумывался о бренности бытия. А зачем? Жизнь-жистянка так безмятежна! – особенно если не заморачиваться излишними философствованиями вроде «что хорошо, что не очень, а что совсем плохо»...

Обычно, раз в неделю-две-три, сойдя на берег после очередного многодневного рейса, моторист речного буксирного катера Николай, или, по-местному, Кольша Сухоруков тут же одаривал добрую половину посёлка добытыми «в походе» дичью и красной рыбой, не отказываясь ни от одной из чарок, – одна другой полнее, – подносимых ему в ответ на столь щедрые подарки. Порог собственного дома перешагивал в последнюю очередь, почти всегда уже с пустыми руками. И неизменно обнаруживал хмельным взором чистоту и порядок в доме, ухоженных сытых детей, накрытый к его появлению по торжественному, с бутылочкой, стол...

А осенью, по окончании навигации, выходя в продолжительный межсезонный отпуск, Сухоруков раз за разом с одинаковым успокоением убеждался, что и нынче ему, слава те, Господи, не нужно напрягаться для встречи с суровой зимой: дрова для дома и бани, сено для коровы, корм для кур заготовлены в достатке, подполье ломится от запасённых хозяйкой лесных даров – грибов сушёных, солёных и маринованных, ягод и их производных в виде варений и компотов, кедровых орехов, из шишек повынутых и на жару прокалённых, а также от завезённых потребкооперацией и в достатке закупленных той же неутомимой хозяйкой консервированных даров садов и огородов южных районов страны. Словом, существовалось Николаю с такой хозяйственной и надёжной подругой жизни настолько легко и спокойно, в полном смысле припеваючи, что со временем он вконец обленился, начисто отвыкнув что-либо делать по дому. А если и брался изредка наколоть дров или запрячь позаимствованную в рыбзаводской конюшне лошадь для привоза кадушки-другой воды из проруби, то опять же в охотку, для разминки. От скуки, правда, время от времени подрабатывал: за полтинник или рубль подшивал желающим прохуdivшиеся валенки. Чаще же долгими зимними вечерами, попивая изготовленную и запасённую впрок супругой (и когда всё успеваешь?) брагу-медовуху, играл с детьми-близнецами и с их друзьями-пацанятами в шашки, или с забредающими мимоходом на огонёк соседями в более взрослые картёжные игры – в подкидного дурачка, например, пья-

ницу, и прочее. При этом он не удосуживался обратить внимание на здоровье своей работающей «второй половины», год от года становившееся всё хуже, а в последнее время и вовсе таявшее как льдинка, выброшенная на солнцепёк.

С наступлением стабильных холодов, когда большой снег плотно и надолго окутывал землю, в разных концах посёлка – то здесь, то там – начиналась довольно частая ружейная пальба, не утихавшая по многу дней подряд. Таким нехитрым способом местные жители по устоявшейся с давних времён таёжно-охотничьей привычке «резали» откормленных к зиме поросят. Когда стрельба сходила на нет и с засолкой-заморозкой свинины на зиму было покончено, население посёлка дружно впадало в длительный весёлый загул вплоть до новогодних праздников, после которых не особо-то расслабишься – пора будет браться за подготовку плавсредств и оснастки к очередной речной навигации и рыболовному сезону. Из дома в дом ходили друг к другу в гости целыми семьями. Гулянки с песнями и плясками под патефон или новомодную радиолу, где таковые имелись, а чаще под исконно русские гармошку или балалайку шумели порой до утра. Нередко эти пиршества увенчивались пьяным мордобоем, считавшимся здесь делом житейским. Тут же, за очередной бутылкой, и мирились, зла друг на друга не держали – слишком тесен был их мирок, чтобы всерьёз враждовать: всего-то три десятка изб, затерянных в необозримой тайге. До ближайшего хотя бы подобного этому населённого пункта – десятки километров лесом или берегом. Об асфальте в этих краях многие, особенно старые да малые, и понятия не имели, не говоря уж о железной дороге, которую местное большинство видывало только в кино или во время редких отпускных, ещё реже командировочных выездов «на материк» – в другие области и края страны, и ближайшая ветка которой пролегла в полутора тысячах километров отсюда, аж почти в самом Красноярске. Летом очень уж желающих попутешествовать и имеющих на то финансовые возможности выручал огромный енисейский флот, а вот зимой, когда река на семь-восемь месяцев одевалась в прочный ледовый панцирь, реальная связь с внешним миром, не считая радио, оставалась лыжами да санями по заснеженному речному льду, и ещё – воздухом. Но до ближайшего аэропорта – опять-таки многие километры, а на лыжах не каждый способен уйти далеко. Вот и, хочешь, не хочешь, а довольствовались большую часть года тем немногочисленным обществом, какое уж Бог послал.

Кольша Сухоруков, будучи, несмотря на мелковатую собственную фактуру, в трезвом виде достаточно смелым и умелым участником всяческих состязаний, включая силовые, на гулянках всё же регулярно оказывался в числе битых. Причина проста как жизнь рыбака: он при равных, а то и меньших дозах выпитого быстрее, однако, и сильнее других пьянел, да не просто пьянел, а натурально дурел, неуловимо теряя ориентировку во времени и пространстве, становился невменяемым и неуправляемым, материл всех без разбору и, сам еле держась на ногах и с заплетающимся языком, допускал такие наскоки и оскорбления в адрес присутствующих, что не вlepить ему за то хотя бы затрещину мог разве только безрукий. В посёлке безруких не было.

После каждой подобной гулянки Кольша тяжело страдал похмельем и на сутки-двое впадал в глубокую депрессию. Выходил из депрессии одним и тем же способом – бил смертным боем жену, с остервенением вымещая на ней досаду от унижительных своих фиаско в гуляночных перебранках с поселковыми мужиками. Опомившись, всякий раз плакал и просил прощения, помогал вечно трясущимися руками (эту непонятного происхождения, не прекращающуюся уже много лет, особенно усиливающуюся в состоянии похмелья дрожь он шутя объяснял тем, что «в детстве кур воровал») залечивать синяки и ссадины на лице и теле избитой им супруги, пытался задобрить видевших всё это плачущих малышей мелкими подарками вроде самодельных игрушек. А со следующего перепоя всё начиналось сызнова.

Землякам Сухоруковых сложно было понять, почему эта общительная женщина с лучшим среди местных певуний голосом и самой стройной в посёлке фигурой какой уже год подряд терпела такое от никчёмного мужичонки, почти бесполезного для семьи, вела себя в его присутствии до странности тихо и безропотно. Почему даже не пыталась что-то, как-то изменить, защитит себя от унижений, а детей от вынужденности видеть то, от чего на всю жизнь могут остаться заиками. Загадку эту посёлок не мог разгадать и после её смерти от неизлечимой, вызревшей исподволь болезни в самом интересном для женщины возрасте. Писатели в книжках о подобных случаях пишут просто: «...тайну унесла с собой в могилу».

Думали поселковые жители разное, согласно сходясь мыслями в одном: отмучилась, бедняжка... а её мужа, теперь уже вдовца Кольшу-Николая после похорон, не сговариваясь, возненавидели всем миром. От этой ненависти он и бежал без оглядки сразу, как только у сыновей-близнецов закончился учебный год.

Глава 2. ОНА

Первое впечатление от нового местожительства было для Илюхи с Колюхой не менее отрадным, чем от всего трёхсуточного путешествия.

Когда, не доезжая пару перегонов до Ташкента, поезд на несколько минут остановился у станции без вывески, но с красивым узорчатым орнаментом на стенах крохотного весёленького вокзальчика, они быстренько помогли отцу выгрузить из вагона на пыльный перонный асфальт чемоданы и узлы с вещами, и принялись во все глаза и уши вникать в окружающую экзотику.

Несмотря на ранний час, на привокзальной площади заштатного среднеазиатского городка уже бурно кипела жизнь. Большую часть площади занимал по-восточному пёстрый базар с густой, движущейся одновременно во всех направлениях толпой покупателей в разноцветных, похожих на праздничные, одеждах, и с не менее многоцветным в одеяниях, таким же активным полчищем сидящих и стоящих за прилавками, под навесами с изобилием овощей, фруктов и иной разной разности или просто у бахчевых развалов продавцов. И те и другие, – не знающие, казалось, никаких бед и кручин, а одержимые одной лишь заботой, как не проспять очередной базарный день, – громко разговаривали, смеялись, торговались, спорили наполовину по-русски, а наполовину – на разных незнакомых пока Илюхе с Колюхой языках. Над всем этим красочным столпотворением разливалась в пространстве мелодичная, непонятно откуда происходящая музыка.

Прямо напротив здания вокзала, с противоположной стороны площади высился огромный плакат, напоминающий нечто виденное близнецами ранее на картинках в школьных учебниках или книгах о войне, где нарисованный солдат в будёновке ёёёёсо звездой спрашивал, все ли записались на войну добровольцами – исполинского роста богатырски сложенный мужчина со строгим лицом, в тубетейке и синем механизаторском, как у некоторых сибирских трактористов, комбинезоне указывал пальцем на Илюху с Колюхой и грозно вопрошал, согласно тексту внизу плаката: «Сколько ты собрал сегодня хлопка?»

Братья Сухоруковы имели довольно смутное представление о хлопке вообще, и никак не могли взять в толк, почему они должны его ещё и собирать. Где-то в уголках их детской памяти промелькнул, правда, отрывок из школьного стихотворения, в котором бодро говорилось о том, что, мол, «загорелые узбечки быстро хлопок соберут», но представляли они себе это растение либо экзотическим фруктовым с вероятно очень вкусными белыми плодами, либо декоративно-цветочным. Отец прервал размышления мальчишек сильно разочаровавшим их пояснением:

– Хлопок, ребя, это просто вата, которая растёт в поле на кустах.

– Фи, Колюх, ты веришь, что вата, да может расти на кустах, как смородина? – возмущённо фыркнул Илюха.

– Обманули дурака на четыре кулака, Илюх, – пренебрежительно хмыкнул в поддержку брата Колюха. – Поверь в кусты, а тебе тут же сказанут, что она, мож, ещё и на деревьях висит, как кедровые шишки. Идешь по лесу, а кругом – вата, вата, одна только вата... прям Новый год, как у нас на утренниках было в садике да в школе.

– Да-а, Колюх, хлопок – это что-то пошибче, чем просто вата. А её, вот крест на пузе, где-нибудь на городских фабриках делают. Кто-то у нас даже брехал, что из пороха.

– Дурень, наоборот порох из ваты делают! Спорим?

– Вон, посмотрите, – терпеливо объяснял иронизирующим сыновьям Николай Захарович, – колёсный трактор тянет буксиром прицепленные одна за другой сразу три полные тележки. Смог бы он утащить в один загруз столько брёвен или рыбы?.. А тут в лёгкую управляется. Так вот, белый груз в тележках – это и есть хлопок, то бишь вата. И везёт он этот груз с поля, наверное на склад. А видите, вдоль всей дороги в пыли беленькие хлопья? Подите-ка, пощупайте!

Илюха и Колюха побежали, подобрали несколько долек, по форме как мандариновые, нежнейшей ваты с твёрдыми комочками семян внутри. Представили, что, возможно, в скором времени им придётся, выполняя указание и под строгим надзором дядьки с плаката собирать в придорожной пыли по крохам этот хлопок, и приуныли. Из грустной задумчивости их неожиданно вывел громкий прерывистый, малоприятный, похожий на скрежет металла, звук за спиной. В страхе оглянувшись, увидели ушастое животное, похожее на маленькую лошадь, только слишком уж тощее даоблезлое. Из его разинутой пасти и раздавался этот скрежет-хрип.

– Осёл, что ли?

– По-моему, да. Но, кажись, больной...

– Вот так, ребя, орёт настоящий азиатский ишак, – услышали братья голос неотлучно следовавшего за ними отца. – А, знаете-ка, что? Давайте, пока я тут вещички наши покараулю, сбегайте на базар, поглядите, как много здесь интересного, не то, что на Севере. Тут арбузы-дыни даже дешевле, чем у нас осетрина, которая вам до смерти надоела. Купите себе что-нибудь, газировки в ларьке попейте. Потом, когда вернётесь, покараулите вещи вместо меня, а я, может, тоже захочу чего-нибудь. Но, сначала вы – вам всё это впервой, а мне не в диковинку, бывал уже в этих краях... потерплю.

Прогулявшись по базару и получив от этой прогулки массу положительных эмоций, честно потратив выданные им по двугривенному на брата – полакомившись в пределах этой суммы и петушками-леденцами, и газировкой, купив по стакану так непохожих на привычные кедровые орешки подсолнечных семечек, мальчишки дисциплинированно сменили отца на его вахте по охране вещей. А тот со словами «что-то нас долгохонько не встречают, пойду-ка тоже разомнусь малость» нетерпеливо, почти бегом, направился к центру базара, где толпились в основном мужчины. Сердца Илюхи и Колюхи сжались, почуяв неладное: с такой прытью отец в своей жизни, сколько они себя помнили, стремился только к одному – к выпивке. Правда, эту его страсть в последнее время, что было замечено главным образом в период вдовства, почти догоняла ещё и другая – жадная тяга к ненавистным для близнецов после смерти матери незамужним женщинам, по понятным причинам более доступным для общения. Чувство не обмануло братьев ни в том, ни в другом: оба несчастья – вино и женщина, словно сговорившись, оказались одновременно в одном месте.

С рекордной скоростью преодолев расстояние до одного из ларьков, где

продавалось в розлив спиртное с незамысловатой закуской, Сухоруков приобрёл пару стаканов дешёвого вина и торопливо, давясь, будто за ним кто-то гонится и вот-вот отберёт купленное, выпил их «дулетом», без передышки, оба подряд. Помешкав, махнул рукой, купил и такими же торопливыми крупными глотками опустошил ещё один.

Наблюдавшие за отцом Илюха и Колюха видели, как он, рассуждая о чём-то сам с собой, отошёл от ларька и встал в очередь за шашлыком. Забыв о вещах, мальчишки устремились к отцу, чтобы попытаться предотвратить очередной его загул. Когда приблизились, он уже успел отовариться несколькими шампурами с насаженными на них по пять-шесть кусочков румяного мяса и, увидев сыновей, протянул каждому по шампуру со словами:

– А вот это, ребя, настоящий узбекский бараний шашлык!

Илюха с Колюхой послушно и с удовольствием изготовились принять в руки аппетитно пахнущее ароматным дымком жареное чудо, не попробованное ими ещё ни разу в жизни, но... их опередили. В самый приятный, предвкушающий изысканное угощение момент из толпы раздался не менее резкий и громкий, чем «песнь» ишака, женский окрик:

– Не успел приехать, а уже, смотрю, деньги транжиришь, как вертопрах загулявший! Ох, жизни, жизни-и...

К Николаю Захаровичу подскочила невысокая, одетая в грубую рабочую робу, но мило-видная лицом и изящная статью, которой не могла скрыть даже сугубо мужская спецодежда, черноглазая женщина, по-хозяйски забрала из его рук весь купленный им шашлык, быстро сняла с шампуров кусочки мяса в развёрнутую газету и, так же быстро завернув, спрятала в сумку.

– М-мария?! А чё так долго не встречаешь? – растерянно, как пойманный на чём-то предосудительном, пробормотал Сухоруков.

– В ночной смене задержалась. Вишь, даже переодеться не успела. Ну, пойдём. Где вещи-то?

– П-пешком?

– А ты что, миллионер капиталистический, денежек лишних полна мошна? То-то в разгул с самого утра вдарился... поглядите на него!

– Так ты следила за нами, что ли?..

– Вот ещё! Больно надо... – пренебрежительно хмыкнула женщина. – Случайно увидела. Да и несёт от тебя за километр, захочешь – не скроешь.

Илюха с Колюхой приговорённо переглянулись: это была Она. Та, о встрече с которой они старались не до последней минуты.

– Ну, ладно тебе, М-мария, на новом месте не такой уж и грех остограться в честь благополучного прибытия... – тяжеленные чемоданы в руках Николая Захаровича не оставляли ему сил на активный диспут со спутницей, и голос его звучал с каждой фразой всё примирительнее.

– Не грех, если по-человечески, за столом да не в однова... эх, жизни, жизни-и...

Какое-то время шли молча, не находя слов, как гладить конфуз первых минут встречи. Встречи, что ни говори, а долгожданной, во всяком случае, для взрослых.

– М-мария! Вот мои орлы, п-познакомься: Илья и Николай. Круглые отличники оба, даром что... – решившись прервать неприлично затянувшуюся молчаливую паузу, начал суетливо говорить и осёкся на полуслове, проглотив ненужный в эту минуту остаток привычной в последний год фразы Сухоруков. – А это, ребя, ваша новая, значит, это... мамка. Она, значит, это... будет вам варить и стирать, и вы её тоже уважайте.

Женщина, спохватившись, сбросила с лица раздражённое выражение и расплылась в приветливой, но всё же заметно искусственной улыбке:

– Гляди-ка!.. Мальчишки, а хорошо учитесь. А то в пятёрошниках всё больше, говорят, девчонки ходят. Молодцы-ы! Не в отца, как будто... Сейчас придём домой, попьём чаю, я дам вам двадцать копеек, сходите в кино.

Братья одновременно сглотнули слюну, надеясь, что до чаепития шашлык ещё не совсем остынет в сумке этой сразу не понравившейся им, причём, судя по некоторым нюансам её поведения, взаимно, обманчиво яркой, как вредная для растений на самом деле бабочка, тётки.

Не знали простодушные малыцы, как глубоко заблуждаются в своей надежде: шашлыка, и не только этого остывающего в сумке Марии, а как такового вообще, им не придётся отведать ещё о-очень долго... Сегодня же, когда Она привела их в домишко с двориком, посередине которого под ветвистым деревом сидел на цепи угрюмый серый пёс-волкодав, проявивший ноль внимания к гостям, и усадила за небольшой, кустарного производства кухонный стол, пришлось довольствоваться, как и было без лишнего, в общем-то, вранья обещано, «голимым» чаем. О еде речь почему-то не шла.

– А как собаку звать? – скромно-вежливо подал голос, чтобы хоть о чём-то говорить за каким-никаким, но всё же угощением, один из братьев.

– Да как хотите, так и зовите, хоть Барбосом. Мне его старый хозяин, когда дом покупала, даром отдал, хитрюга – подозреваю, что в нагрузку, как некоторые магазины иногда в довесок к хорошему продукту принудительно сбывают всякую несъедобную уже, залежалую дрянь или просто неходовой товар. Не хочешь, дескать – не бери, тогда совсем ничего не получишь... Бестолковая собака, не лает ни на кого, только зря хлеб жрёт.

К чаю Она, всё же проявив, не сразу, правда, а по небольшому размышлению, какое-то подобие хлебосольства, выдала каждому ровно по три куска комкового сахара и поставила на стол тарелку с нарезанным, – судя по тому, что в течение ночи дома никого не было, – ещё вчера чёрным хлебом, развернула пачку подтаявшего сливочного масла (ну, это уже хоть что-то, – внутренне вздохнули младшие Сухоруковы, – а не просто водичку с заваркой хлебать). Масло на хлеб намазывала всем сама, тончайшим слоем – по всей видимости, опасаясь за его перерасход. Столкнувшись взглядом с не обещающим ничего хорошего убито-тоскливым выражением на лице Сухорукова-старшего, сжала губы, поднялась с места, сходила в соседнюю комнату, откуда вернулась с чекушкой водки «Московская» в руках.

– Хотела на вечер к праздничному ужину в честь встречи приберечь, но ладно уж, начнём отмечать приезд прям щас. А чего ждать?

Налив себе и Сухорукову по рюмке и спрятав бутылку в стол, Она достала оттуда же пару мелких солёных огурцов на блюдечке, чокнулась с номинальным главой свежеиспечённого семейства и преувеличенно бодро выпила первой.

Илюха с Колюхой, не допив свой чай, с молчаливого разрешения взрослых встали и пошли во двор, держа руки в карманах, чтобы не было заметно спрятанные в них куски хлеба, которые они успели стянуть со стола, пока хозяйка ходила за бутылкой. Один кусок предполагался для знакомства со скучающим во дворе псом, другой братья планировали съесть сами. Но, увидев, как пёс набросился на горбушку хлеба и мгновенно проглотил её, отдали ему и второй кусок, приговаривая:

– Барбос, Барбосик!

Пёс без возражений принял новую кличку и отзывался потом на неё, как будто другой никогда и не было.

Помня об обещании их новой «мамки» дать им денег на кино, Илюха с Колюхой скорее разыскали по расспросам у прохожих клуб «Юлдуз», что в переводе с узбекского, как им объяснили, означает «Звезда». Через час начинался двухсерийный фильм «Три мушкетёра», а значит, на билеты понадобится уже не двадцать, а вдвое больше – целых сорок копеек на двоих. Домой шли, затаив дыхание: дадут – не дадут? Обошлось... Она молча выдала мальчишкам требуемую сумму, с силой захлопнула за ними дверь и заперла её изнутри на крючок.

– Устала, спать хочет, всю ночь, ить, мантулила на работе, – пытались обмануть сами себя Илюха с Колюхой, – давай-ка, дадим ей отдохнуть, пошляемся после кина где-нибудь. Мож, с пацанами какими зазнакомимся, ежели морду, конечно, не набьют как новичкам. И батя как раз к ужину проспится. А коль влетит нам за не приход на обед, ну и пусть!

На том и порешили. Следующие несколько часов они были счастливы, насколько может позволить человеку быть счастливым полупустой желудок. Сначала в восторге от весёлых

и опасных приключений непобедимого Д'Артаньяна и благородных его друзей мушкетёров, затем – от полной, никем не контролируемой свободы гулять одним в незнакомой местности. Изучив по окончании фильма немногочисленные центральные улицы и кварталы городка, в котором им теперь предстояло жить, братья принялись за окраины и окрестности, где успели вволю накупаться в оросительном канале, именуемом здесь «Большим Арыком». Правда, других купающихся не было ни души, видимо потому, что по местным понятиям на дворе стояла уже глубокая осень, почти зима. Но для северян Сухоруковых погода была расчудесной, а такой тёплой, как сейчас в Большом Арыке, вода в их родном Енисее не бывала никогда, даже в самой середине лета – в июле. На всё более настойчивые призывы желудка ублажить его чем-нибудь съестным, старались не обращать внимания. Ведь праздничный ужин, как было объявлено, всё равно никуда не денется, а что значит лёгкий временный голод по сравнению с прелестью познания окружающего мира? И они познавали этот мир как могли.

Тем временем дома происходило следующее.

– Долго ж, однако, ехал к своей невестушке, новобрачник херов, – обиженным тоном выговаривала Она Николаю, раздеваясь на его глазах смущённо, как действительно целомудренная невеста в первую свою супружескую ночь, – надо ж, целых полгода! Ох, жизни, жизни-и...

– К-какие полгода? Побойся Бога! Всего-то четыре месяца, бляха-муха.

– Всего-о? Да любая, даже самая честная, на моём месте давно б уже нашла себе другого.

И куда бы ты девался тогда с пацанами?

– Н-ну и н-нашла бы, н-ну и ссучилась бы, а мы б не пропали, – сиплым от нарастающего с каждым мгновением интимного возбуждения голосом, уже мало понимая, что говорит, рассеянно отвечивал Николай Захарович, всё менее и менее владеющий собой при виде её постепенно обнажающегося красивого тела. Когда же одна за другой, робко и оттого ещё более дразнительно оголились белые налитые груди с торчащими как у юной девицы сосками и чётко очерченными шоколадно-коричневыми

вокругсосковыми кружками, плоть его совсем уж напряжённо застонала изнутри, и он больше не мог, да и не хотел сдерживаться.

Она же, поначалу настроившись, было, на пассивный, со своей стороны лад в близости с невзрачным женишком, намереваясь по возможности отстранённо позволить ему быстро-быстро утолить его пыл измученного долгим воздержанием здорового мужика, дорвавшегося, наконец, до вожделенного и не запретного с этого момента женского тела, почти моментально, однако, поняла, что бегом да отстранённо не получится – недооценила она «молодого новобрачника». Тот оказался достойным партнёром – крепким, выносливым и опытным настолько, что незаметно для самой себя разохотившись и раскрепостившись, Она лихо скользнула от холодноватой скованности к давно не испытываемому ею безоглядному экстазу. Все её мысли куда-то совсем потерялись, а из чувств оставалось и работало сейчас лишь главное – женское чисто инстинктивное начало...

После одновременного у обоих бурного продолжительного оргазма они, потные, чуть отодвинувшись друг от друга и свободно распластавшись, уже как полноценные муж и жена законно не стесняясь друг перед другом своей наготы, тяжело дыша, медленно, не спеша приходили в себя.

– Н-ну ты, бляха-муха, и даёшь! Наперёд, в другие-то разы хоть кричи потише, а то соседи со всей округи сбегутся, подумают – режут кого, – восхищённо произнёс, наконец, он.

– Да и ты не промах! Хоть и выпимши... – любезностью на любезность отвечала Она. – А тверёзый-то, поди, и не так можешь жару поддать? Попробуем-ка в следующий разок без выпивки? Хочу спытать, каков мой мужчинка в полную силушку.

– Чего-чего?.. – удивлённый и крайне возмущённый таким неожиданно вопиющим умственным невежеством не примитивной вроде бы в остальном постельной партнёрши, Нико-

лай Захарович аж присел в кровати. – Да ты, милая, в рот тебе пароход, знаешь хоть, что весь смак, вся изюминка, вся ночная сила и доблесть мужика через это дело, через выпивон, только хлеще становятся? Да ни один султан в свой гарем без ста грамм шагу не сделает! Иначе бабы сомнут его как соломину.

– Что ты говоришь! Они, султаны-то, если хочешь знать, водки и вина совсем не пьют – вера ихняя не позволяет.

– Ну и хрен с ними, с султанами... подумаешь, вера... а я по себе знаю, что лучше, а что хуже, бляха-муха. Да у меня!..

– Ладно уж, вижу, что с твоей «соломиной» всё в порядке. Только где это ты научился так ловко с бабой управляться? Небось, гулял всю жизнь как кобель. Ведь твоя-то, говорят, совсем больная была?

– О ней давай сегодня не будем, – помрачнел он. – А вот я, бляха-муха,

было дело, – тут ты, можно сказать, угадала, – поколесил и покуролесил в своё время по Родине нашей бескрайней, будь здоров. Житуха, ох, и весёлая была! И где сколько детей успел наплодить, сам толком не знаю... Это потом уже, за десять лет Севера, подзахирел чуток. Но и то, как видишь, кое-что осталось. Аль, не почувствовала?

– Да уж почувствовала, не квёлая...

Помолчали, вспоминая каждый свою не так уж и давнюю молодость.

– Ну, а эти твои двойняшки, кто из них Илья-то, а кто – Николай?

– У Илюхи на щеке маленькая родинка. Он родился первым, на сколько-то там минут раньше, поэтому, хоть и любит больше книжки читать, чем командовать, но на правах старшего – за командира. Закон есть закон. Ты смотрела когда-нибудь фильмы про лётчиков? Хотя, за каким хреном тебе глядеть такие фильмы – первый твой был, кажись, военным летуном и про дела свои небесные тебе по любому докладал. Так вот, уточню: когда истребители летают в паре, один из них обязательно ведущий, то есть главный на время полёта, а второй – ведомый, который должен слушаться ведущего. Это чтоб чётче боевая задача выполнялась, без разнобоя типа кто в лес, кто по дрова. Вот, и у моих так.

– Теперь уже, Бог даст, у наших, – в свою очередь тоже слегка погрустнела Мария. – Только бы матерью меня называли, чтоб никто здесь

не догадался, что я им неродная.

– Назовут, не бойсь! Если, конечно, сама ещё не растрезвонила, в рот тебе баржу-плоскодонку...

– Что я, совсем уж дура стоеросовая? Говорю всем, будто бы первая приехала, чтоб дом купить, а мужик с детьми там, на Севере пока. Они у бабки под приглядом, а он – распродаёт скотину, другое добро, которое тащить сюда, за тридевять земель, куда дороже обойдётся, чем новое купить. Ну, а второй?

– А у Колюхи две макушки на голове, как у меня. Он – ведомый. Хотя он-то, как раз, куда командирестее своего старшего брательника. Больше, как настоящий мужик, тянулся всегда ко мне, отцу, чем к матери. Илюха – наоборот, бабий угодник. В общем, характеры разные, не перепутаешь.

Она томно, как и полагается в часы близости приличной жене-любовнице, желающей продемонстрировать мужчине удовольствие от нахождения с ним на одном ложе, полусмежила веки, раздумывая, однако, на тему, далёкую от интима: взаимоотношения с пасынками, скорее, предстоит налаживать в основном через Илюху как «ведущего». Это неплохо, поскольку иногда на этом можно будет и сэкономить – например, чтобы о чём-нибудь договориться с мальчишками, вместо двух пряников придётся израсходовать всего один. Что ж, первый маленький, но несомненный плюс в туманной семейной перспективе нарисовался. Посмотрим, что там дальше у этих убогих...

Открыв глаза, повернулась к Николаю:

– Так, где ж всё-таки, суженый мой, ряженный, шалался столько времени? Ведь выехали ко мне вроде первым пароходом, как договаривались.

– Шалался... да как у тебя, в рот те буксир-толкач, язык на такое поворачивается? Обокрали нас в дороге самым паскудным образом, когда спали ночью. Ехали ведь не в отдельной каюте, а третьим классом, как в плацкарте. Хорошо ещё, чуток денег догадался заранее припрятать про запас подальше, а то бы совсем каюк, хоть топись (Сухоруков умолчал, что потерял неприкосновенный, предназначенный для обзаведения на новом месте денежный «загашник» в безобразно пьяном состоянии в теплоходном ресторане).

– Ох, жизни, жизни-и...

– В Красноярске пришлось пойти по знакомым. Взаимы никто не дал, но помогли устроиться в один задрипанный колхозишко, чтоб заработать на дальнейшую дорогу. Тебе обо всём этом не стал писать – думал быстро провернуться. Но в колхозе этом, бляха-муха, заработки, куда там до северных, – за месяц даже на билеты не скопил. А когда начался сенокос и за день мне, окромя кой-какой натуроплаты, начислили деньгами, смех и грех, одиннадцать копеек, плюнул я и пошёл искать другое место. Устроился в Ачинском районе на железную дорогу путевым обходчиком. Глядь, а на дворе август – школа на подходе. Купил пацанам книжки-тетрадки, и опять ноль в кармане. Слава Богу, квартиру дали нам хоть и маленькую, но с отличной печкой, да угля на станции – завались. Ну и решили не мудрить, а спокойно перезимовать в тепле.

– Но не получилось, потому что в тюрьму чуть не угодили?..

– Какая там тюрьма! Разве ж таких маленьких пацанов сажают? Хотя, беды наделали...

– А кроме беды ты, умник, ждал ещё чего-нибудь?

– Заткнись, и слушай... заладила, беда-а, тюрьма-а. В общем, кто-то из местной ребятни утащил дома папиросы и вместе с моими пошли гурьбой подальше от станции курить. И сожгли, блях-мух, на лугу за лесочком самый большой зарод заготовленного к зиме казённого сена. Пожарники то ли спросонья, то ли спохмелюги припоздали и ничего потушить не успели. Приезжала милиция. Обязали отцов и матерей курильщиков возместить ущерб. Одни корову, чтобы рассчитаться, отвели на рынок, другие – мотоцикл продали, а мне и выставить-то нехрен. Ну, видимо, пожалев моих пацанов-сирот, мусора вроде как намекнули, что могут позабыть о нас, если хотя бы на некоторое время исчезнем с глаз долой. Так чего же разумному человеку долго думать при таком душевном штормовом предупреждении? Дураку ясно – линять. Вот тогда я и решился кратенько отписать тебе, тихо получить на работе расчёт и рвать когти, пока мусора не передумали.

– Хоть выпорол куряг-то своих заядлых, поджигателей казённого добра?

– Рука не поднялась, уж больно они были напуганы. До темноты в лесу прятались, боялись домой идти. Да и не могу я их бить после некоторого несладкого поворота судьбы. Сама понимаешь...

– Мозгляк! Так ты их окончательно спортишь. И в тюрьму загремят рано или поздно по твоей же милости, как пить дать. Тут и к бабке не ходи, всё ясно... эх, жизни, жизни-и...

– Да не каркай ты! Разошлась тут в своих предсказаниях, как злая ведьма. Учатся что один, что другой на пятёрки, а если до конца так доучатся, то космонавтами или капитанами дальнего плавания станут легко. Или врачами, инженерами на худой конец, если на четвёрки вдруг съедут.

– Дурак! Думаешь, я не заметила, как они во время завтрака хлеб со стола спёрли? А что дальше будет? Космона-а-вты...

– Да п-пошла ты к ... такой-то матери!

– Сам иди туда же!

Мария резко встала, накинула домашний халат и пошла чистить картошку к торжественному семейному ужину «в честь приезда», в расстройстве начисто забыв, что до этого

«торжественного», который произойдёт только через несколько часов, вечером, следовало бы накормить не страдающих отсутствием аппетита мужчин каким-никаким обедом. А Николай Захарович, взяв из общего теперь кошелька трёшку и незаметно пересчитав рубли в своей записке, направился в ближайший магазин купить селёдки к картошке и немного колбасы. Ещё он намеревался между делом выпить стакан-другой вина подешевле и, если хватит денег, угостить сыновей конфетами, а то и пирожными. Да не забыть бы взять бутылку лимонада для них, ведь предстоящий праздничный ужин, посвящённый созданию новой семьи, должен выглядеть действительно праздничным...

Куда девался спрятанный Марией, да так и не выложенный на стол шашлык и почему между завтраком и ужином не было даже намёка, хотя бы ради приличия, на обед, Сухоруковы не узнали ни сегодня, ни в дальнейшем, а спрашивать о таких вещах было бы ниже их достоинства. Ведь сибиряки – народ гордый, хотя и доверчивый зачастую до наивности.

Глава 3. БАРБОС И ДЕРЕВО (любви все существа покорны)

В ближайший понедельник Илюха с Колюхой, встав пораньше, умытые, причёсанные, наглаженные и начищенные пошли в школу. Учиться им предстояло в разных, параллельных классах, «а» и «б», так как уже заканчивалась первая четверть и все классы были давно укомплектованы – по два свободных места не нашлось ни в одном. Так жизнь впервые, пусть пока не очень жестоко, но разъединила братьев-близнецов.

Всё здесь было не так, как в их родной Сибири. Многонациональная детвора, представленная, помимо привычных русских и отчасти китайцев и немцев не только узбеками, казахами, татарами, украинцами, но и ещё более экзотичными для северян Илюхи с Колюхой греками, корейцами и даже иранцами, была криклива и темпераментна, на переменах шумно играла во множество незнакомых Сухоруковым игр, нередко очень даже азартных. А когда наступала большая перемена, все неудержимым потоком устремлялись в школьный буфет, где за пятак можно было купить пирожок с повидлом или картошкой, либо за восемь копеек коржик, а за три – стакан сладкого чая. Добротню одетые школьники побогаче покупали лимонад, кефир и шоколадные конфеты. Илюха же с Колюхой довольствовались принесёнными из дому простенькими бутербродами, которые стесняясь съедали всухомятку не выходя из класса. Иногда, правда, когда отец исхитрился утром украдкой сунуть им в руки немного мелочи, ходили и в буфет вместе со всей школьной толпой. Но первое время безрезультатно: слишком уж было непривычно и казалось несолидным для медлительных и рассудительных северян пробиваться, толкаясь локтями и коленями, через голосящую и бурлящую «кучу малу» к буфетной стойке с разложенной на ней, пусть и вкусной, едой. Цель представлялась им не стоящей тех средств, которыми достигалась. Однако, голод – не тётка, и через самое короткое время братья уже не выглядели белыми воронами среди сверстников.

Пообвыкшись, близнецы наравне с другими бесились в школе на переменах, а затем, после уроков – и на улице. Научились играть в популярную среди детворы и подростков постарше «лянгугу» – кусочек бараньего или козлиного меха с прикреплённым свинцовым грузиком подбрасывался на счёт вверх ударами внутреннего или внешнего бока стопы из разных положений; освоили не менее популярные «мослы», или ещё это называлось «альчики», «алчишки» – бараньи лодыжные косточки, выставляемые на полу или на асфальте в шеренгу и сбиваемые с заданного расстояния такими же «мослами» на выигрыш, и многое другое. Из рогатки стрелять они умели и раньше, причём достаточно искусно с ранних лет, ибо в тайге всегда было на чём поупражняться. Благодаря хорошему владению этим искусством братья больше многих своих новых друзей преуспели в такой, например, забаве: найденные где-нибудь на стройке куски карбида измельчались и заливались водой в стеклянных бутылках, которые затем тщательно закупоренными выставлялись где-нибудь на видном месте – на пере-

крёстках дорог или пешеходных аллей. По мере приближения пешеходов, велосипедистов, мотоциклистов или даже автомашин, если бутылки с пузырящимся в них раствором не разрывались сами, мальчишки разбивали их с жутким, сродни взрыву армейской ручной гранаты грохотом выстрелами из рогаток. Вот была потеха!

Так относительно ровно прошла зима, малоснежная и непривычно для Сухоруковых тёплая, позволяющая им большую часть свободного времени проводить на свежем воздухе. Домой возвращались неохотно, главным образом для того, чтобы сделать заданные на дом уроки, поест и поспать.

Мачеху назвать матерью они так и не смогли – какой-то непреодолимый

внутренний барьер не позволял, как ни старался отец сблизить их с ней. И со временем все соседи, взрослые знакомые и друзья-сверстники Сухоруковых стали называть Марию так, как называли её между собой с первого дня Илюха и Колюха – «Она». Она же по поводу и без повода жаловалась соседкам, какой непутёвый у неё мужёнок Николай, не только любящий выпить, но и неспособный даже всыпать в качестве воспитательной меры ремня своим таким же непутёвым, как и сам, отпрыскам, которые и куски таскают вместо того, чтобы есть за столом как приличные люди, и по хозяйству не помогают, и к старшим, в частности к ней, неласковы и непочтительны, и... А неудавшуюся попытку скрыть от посторонних, что Она Илюхе с Колюхой не мать, а мачеха, объясняла тем, что не хотела, чтобы эти посторонние жалели их как обиженных судьбой, неполноценных, и влияли тем самым не совсем правильно на раннюю детскую психику.

Весна, приходящая в эти благодатные края по представлениям сибиряков сказочно рано, была, как и положено быть весне, прекрасной, хотя и разительно непохожей на те вёсны, что остались в щемящих душу воспоминаниях Илюхи и Колюхи. Если там, на Севере, переломным событием перехода зимы в лето было начало грандиозного ледохода, когда от избы к избе со скоростью звука летела радостная весть: «Енисей пошёл!» и весь посёлок от мала до велика, с криками «ура!» подбрасывая вверх шапки и слушая треск ломающегося по всей ширине реки льда как приятнейшую музыку, высыпал на высокий берег, именуемый «угором», то здесь, в Средней Азии, таким моментом было, конечно же, цветение садов. Братья Сухоруковы ещё не умели различать на глаз виды плодовых деревьев, и с одинаковым восторгом любовались всем, что цвело и благоухало вокруг: яблонями и грушами, вишней, сливой, персиком...

Наслаждаясь всё более тёплыми лучами южного солнца, они стали ещё больше времени проводить на улице и находили с каждым днём новые и новые прелести в окружающей природе и среднеазиатской жизни вообще.

Даже унылый Барбос в эту пору приосанился под свежеееленеющим в их

дворе Деревом, хотя и не относившемся к фруктово-садовой элите, но тоже приносящем немалую пользу окружающему миру: в жару оно давало хорошую тень, в непогоду укрывало большую часть двора от дождя и града, а от его мощного ствола и крепких сучьев к забору и дому тянулись многочисленные верёвки для сушки белья и вообще всего, что людям вздумается посушить на свежем воздухе, и без которых двор не двор у любой нормальной семьи. Что же касается отношения к собаке... с того дня как исчез бывший хозяин, бросив ненужного ему теперь пса на произвол ненавидевшей животных женщины по имени Мария, и вплоть до появления добряков-близнецов Дерево для Барбоса было единственным близким существом на свете.

Илюха с Колюхой, точь в точь как и пёс Барбос, представляли себе Дерево живым и всё чувствующим существом, и очень скоро оно стало для них таким же, как и для него, добрым надёжным другом, с которым они разговаривали вслух как с равным, делились своими сокровенными тайнами и планами. Позднее в письмах друг другу братья упоминали Дерево только с большой буквы, как имя человека.

А как они дружили!.. В гостеприимной раскидистой кроне Дерева легко прятался во время игр целый отряд соседских мальчишек-сорванцов, изображавших из себя мушкетёров в засаде. Были здесь и свои Д'Артаньяны, и Атосы, и Портосы, и Арамисы... Другой такой же отряд, изображавший гвардейцев кардинала во главе с неуязвимым злодеем Рошфором, порой часами напролёт пытался взять Дерево штурмом. Как правило – безуспешно, особенно если на защиту прятавшихся храбро вставал могучий Барбос, принимавший, насколько позволяла цепь, живейшее участие в ребячьих играх. Впрочем, иногда удача разворачивалась и в обратную, когда, к примеру, Барбос становился на сторону нападавших. Но происходило такое, только если в стане нападавших по ребрию оказывались Илюха с Колюхой.

Сигналом к окончанию битв на деревянных шпагах и мгновенному исчезновению со двора всего воинства чаще всего служил возглас «Она!», когда кто-нибудь из находившихся повыше на дереве вовремя замечал возвращающуюся с работы хозяйку. Барбос тут же, как ни в чём не бывало, принимал унылый вид, ложился под Деревом и притворялся спящим. Само Дерево, казалось, тоже присмирив, становилось скучнее, даже листва на его ветвях несколько блекла и шелестела уже значительно тише. Она со вздохом «жизни, жизни-и...» отпирала висячий замок на двери и шла в дом подогревать что-нибудь к ужину для Николая Захаровича, заканчивавшего свой трудовой день обычно позднее.

Пройдя на кухню, Она понуро заглядывала в стоявшую на плите кастрюлю и недовольно бурчала:

– Опять суп не ели, всё сахар таскают, конфеты да печенье им подавай! Ох, жизни, жизни-и...

Принюхавшись к начинающей прокисать вермишельно-картофельной жиже, Мария выносила кастрюлю во двор и в сердцах выливала её содержимое в похожую на таз миску Барбоса, рассуждая про себя: «Ну, сколько можно на собаку-то работать, да ещё на такую прожорливую да безмозглую? Это подумать, а, какая уйма еды каждый день зря пропадает! Может, всё-таки, на холодильник разориться? Вон, давеча, в магазин завезли вроде недорогие, марки «Саратов», или «Бирюса», кажись... Нет уж... коль брать, так дешевше – с рук, если кто из знакомых новый себе купит, а старый, чтоб не выкидывать и что-то выгадать при этом, продать решит».

Пока неприхотливый, неизбалованный изысканной пищей Барбос пожирал выплеснутую в его посудину бурду, Она, если после вылитого супа ничего готового для подогрева к ужину больше не было, ставила на плиту вариться что попроще вроде картошки в мундире, залезала под кровать, доставала из дальнего угла большую хозяйственную сумку, вынимала из неё полотняный мешочек с пилёным сахаром-рафинадом и начинала тщательно пересчитывать куски. Так и есть, десятка-полтора кусочков, как обычно, не хватало. Спасибо хоть, что более туго завязывавшийся мешочек с конфетами и печеньем юные воришки развязать не сумели пока ни разу, но и систематических краж одного даже сахара вполне достаточно для справедливого отношения к ним как к хоть и маленьким, но уже явным рецидивистам.

Глава 4. УФ-Ф! ПРОНЕСЛО...

Илюха с Колюхой, конечно, понимали, что красть нехорошо. Но куда деваться, если организм требует, а то варево, которое им оставляла, уходя на работу, мачеха на плите, есть невозможно. Изредка их приглашали и угощали хорошим обедом сердобольные соседки – матери их школьных или дворовых товарищей. Но это – далеко не каждый день, а чего-нибудь лакомого Илюхе с Колюхой хотелось постоянно, особенно после многочасовых игр на свежем воздухе. Вот и приходилось им изо дня в день идти на компромисс с совестью, резонно допуская при этом, что рано или поздно придётся за воровство ответить. И ложились вечером спать не пойманные сегодня братья с одной и той же успокаивающе-вопросительной мыслью: «Неужто опять пронесло? Уф-ф...»

По ночам близнецы нередко просыпались из-за стонов и вскриков мачехи, доносившихся из соседней комнатухи, служившей спальней для взрослых. По рассказам старших мальчишек с улицы они уже знали, чем по ночам занимаются мужья со своими жёнами, и злились на баламута-отца, опять по пьяни пристающего к женщине, которой, судя по её непрерывным «ахам» и «охам», это неприятно и даже больно. Однако вмешиваться не решались: спальня взрослых – не детское дело.

Но однажды табу на такое вмешательство пришлось нарушить. Имея обыкновение, кроме всего прочего, ещё и болеть вместе, Илюха с Колюхой, одновременно простудившись и до глубокой ночи промучавшись ознобом и головной болью, никак не могли уснуть, и в то же время боялись беспокоить давно улётшихся спать взрослых, чтобы попросить помощи. Тем более что на этот раз отец вроде бы прекратил свои издевательства над женщиной, и в доме было непривычно тихо. Наверное, в кои-то веки, мачеха получила, наконец, возможность спокойно отдохнуть. Когда же братьям стало совсем плохо, они, не выдержав, встали с постели и негромко постучались в «опочивальню». Им не ответили. Постеснявшись включать свет и подождав, пока глаза лучше привыкнут к темноте, сначала Илюха, как старший, а за ним Колюха, тихонько открыв дверь, вошли. И – отпрянули, настолько странная, напугавшая их картина предстала перед глазами. Такое даже гордая на выдумки фантазия уличных юнош-знатоков, раскрывших близнецам тайны интимной жизни супружеских пар, вряд ли могла придумать. Она, голая, раздвинув согнутые в коленях ноги, лежала, изгибаясь в страстных конвульсиях, на спине и, сквозь сдерживаемые стоны, лихорадочно что-то нашёптывала, а отец, откнувшись лицом прямо в её срамное место, покачивал головой и сладко причмокивал.

Услышав шлёпающий по деревянному полу звук убегающих босых ног, Мария в негодовании отпихнула от себя Николая Захаровича:

– Да что же это такое, что за убудки, и ночью от них никакого покоя! Попробуй вот сейчас не всыпать им как следует!

Николай, вскочив и попытавшись, как солдат по тревоге, за секунду натянуть на себя брюки, запутался в штанинах и с грохотом упал плашмя, во весь рост на пол. Мария, на ходу облачаясь в первую же попавшуюся под руку одежду, помогла ему подняться и оба, разъярённые, выскочили в большую комнату, где, дрожа от страха, забились в угол кровати, на которой обычно спали вдвоём, Илюха с Колюхой. Затравленно наблюдая за медленно вытягивающим брюшной ремень отцом, забыв о головной боли и нехоти поднявшейся температуре, братья одновременно подумали (как вспоминали позже): «Ну, вот и расплата!» И так же одновременно (как тоже вспоминали позже) представили себе чудо: вдруг, откуда ни возьмись, входит в эту комнату их живая, а не мёртвая, но какая-то всё же полупрозрачная мать, берёт в одну руку веник, в другую кочергу и гонит в шею прочь отсюда мачеху. Потом отвешивает крепкий подзатыльник слёзно кающемуся отцу и начинает кормить всех троих вкуснейшими варениками с черникой, которые

в добрые старые времена удавались ей лучше всех в посёлке.

– Ща-а, вы у меня за всё получите! – услышали братья оборвавший их секундную грёзу визг мачехи. – В край обнаглели, сукины дети. Лупи, давай, чего раскорячился, слюнтяй несчастный!

Сухоруков, схвативший уже за руку ближайшего из сыновей и замахнувшийся ремнём, вдруг отшатнулся с дикой гримасой на лице. Судорожно, как рыба на льду, хватая ртом воздух, сделал два-три шага назад, опёрся спиной о ближайшую стену и уже с реальными, а не пригрезившимися только что мальчишкам слезами на глазах начал медленно оседать на спешно подставленную испуганной Марией табуретку. То, что ему сейчас привиделось, не дай Бог никому – невесть откуда взявшаяся его жена-покойница встала стеной между ним и детьми, говоря при этом замогильным голосом: «Убей лучше меня ещё раз, но деток не тронь...» и толкнула его рукой в грудь, отчего сердцу стало так невыносимо больно.

Близнецы, в страхе уже не столько за себя, сколько за обливающегося солёными слезами и холодным потом отца, подошли к нему, взяли под руки и повели, взрагивающего и всхлипывающего, в его постель. Затем, когда разочарованная и озадаченная мачеха с причитаниями из той же серии «ох, жизни, жизни-и...» покинула их комнату, легли сами, устало забывшись в неотвратимо наваливающимся тяжёлом нездоровом сне. Засыпая, они успели услышать, как ещё раньше захрапел с судорожными вздохами отец.

Лишь Мария всю эту ночь не сомкнула глаз, но на сей раз и не думая о страстных брачных играх, а исключительно в грустных размышлениях, горя о неудачно складывающейся и на этот раз личной жизни. Жаловаться же на судьбу у неё были, как она считала, все основания.

Глава 5. ЕЁ ПЛАНИДА

Ну, почему, – вопрошала, воздев очи к небу, до крайности возмущённая творящейся со стороны этого неба несправедливостью женщина, – пусть такой неказистый на вид, без слёз на которого не глянешь, но в постели на редкость сильный и приятный мужичок Николай, с которым ей довелось едва ли не впервые в жизни, если не брать во внимание счастливую, но, увы, короткую историю её первого замужества (о чём она старалась не вспоминать, не беречь душу...) познать настоящее беспредельное, и даже в чём-то порочное, а оттого ещё более приятательное телесное наслаждение, опять, после начавшего уже забываться того кратковременного союза, почувствовать себя полноценной бабой, совсем-совсем близкой к женскому счастью... не соизволит хотя бы раз выполнить её заветное желание, не касающееся постельных утех – от души выпороть ремешком этих негодников мальчишек? Ведь дети по самой своей природе зловредны, пакостны, а если их баловать, то и вовсе становятся сродни исчадию ада. Эти двое близнецов – живой тому пример.

Сама Мария была бездетна и рожать (если не считать неудачной, ошибочной по сути, попытки с покойным первым мужем) не собиралась, дабы не плодить зло, однажды уже совершенное её собственным появлением на свет. Ненависть ко всем на свете детям запала в её мятущую душу в тот миг, когда в раннем возрасте, начиная уже что-то понимать, она узнала от воспитывавших её людей, что родилась на свет готовой сиротой – мать умерла при родах, отец же исчез куда-то ещё раньше, может быть тем самым вложив и свою лепту в печальный исход обычно радостного события – человекоорождения. Но главный виновник, надо понимать – всё-таки ребёнок, без которого ничего плохого вообще не произошло бы. Получалось, что она, крошка Машутка – изначально убийца, купившая у судьбы свою жизнь в обмен на смерть ни в чём не повинного другого человека – собственной родительницы. И печать эту ей теперь нести всю жизнь, вплоть до гробовой доски. По мере взросления она настойчиво укреплялась в этой убеждённости, всё больше и больше ненавидя самоё себя и прочих детёнышей всей земли, в том числе ещё не родившихся, а только зачатых в утробах будущих матерей. Изредка тайком рассматривая оставшуюся от матушки фотографию, с которой грустно, как будто предчувствуя что-то, улыбалась красивая черноокая женщина, Мария горько плакала и клялась всеми святыми, что никогда не станет творцом такой гнусности, когда кто-то получает жизнь за счёт жизни другого.

Ввиду отсутствия близких и вообще каких-то родственников новорожденной, малютку из жалости взяла к себе, вскормила и некоторое время воспитывала небогатая многодетная чувашка, незадолго до столь трагичного человекоорождения поселившаяся в той же деревне. От этой чувашки юная воспитанница и переняла впоследствии некоторые особенности говора – певучую мягкость речи с неожиданными переходами, особенно в моменты упадка настроения, к горестным интонациям. Когда кормилица переживала неприятные, трудные житейские минуты, а это случалось частенько, то вздыхала во всех случаях одинаково: «жизни, жизни-и...» Машенька, учившаяся у неё говорить и схватывавшая любую науку на лету, легко копируя всё что видела и слышала, быстро привыкла повторять такие вздохи к месту и не к месту.

Девочке не исполнилось и трёх лет, когда её благодетельница тяжело занедужила и вскоре, обессиленная, была не в состоянии содержать даже собственных детей. На мужа её рассчитывать не приходилось, так как будучи законченным пьяницей, он мало чем помогал семье. Поскольку в деревне не нашлось других желающих взять к себе сироту, Маша была определена в детский дом, где воспитывалась почти до полного совершеннолетия.

Жизнь в детдоме хотя и выглядела в целом благополучной, излишней сытостью, однако, не отличалась. Мария рано поняла цену экономии. В личной прикроватной тумбочке её, не в пример более легкомысленным подружкам, всегда было что-то припрятано про запас. Понятие «подружки», надо оговориться, было для неё чисто условным: Мария близко не дружила ни с кем – ни с девчонками, ни с мальчишками, ибо каждая детдомовская сирота безапелляционно воспринималась ею как зло – прямой виновник смерти своих родителей. Неважно, при родах это случилось, или позже. Главное – если заболевшие в результате какой-нибудь эпидемии или, скажем, опухшие от голода в годы известной страшной засухи в Поволжье взрослые вымирали подчистую целыми сёлами, дети, вопреки всякой логике, не так уж и редко исхитрились остаться в живых. Значит, погибающие родители отдавали им последний кусок, не думая о себе. А они – эгоистично брали!

Не всё, однако, черно было в восприятии Марией её детдомовской жизни. Было и светлое пятнышко, никак не связанное со сверстниками – дружба с одной старой воспитательницей, научившей её вязать пуховые платки. Это изящное ремесло стало для девушки главным и, пожалуй, единственным серьёзным увлечением. Ах, что это за чудо, когда из тоненькой пушистенькой ниточки благодаря твоему умению рождается такая красота! Тот, кто хоть раз в жизни держал в руках настоящий оренбургский пуховый платок, поймёт Марию. Нет ничего на свете красивее, мягче и теплее, чем этот огромный, когда развёрнутый, и способный не только сжаться в небольшой комочек, но и полностью пройти-протянуться сквозь обручальное колечко шедевр. Любая, даже самой скромной внешности женщина становится похожей на настоящую королеву, накинув его на плечи. Но лично себе Мария такой роскоши не позволяла никогда. Если вязала – только на продажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.